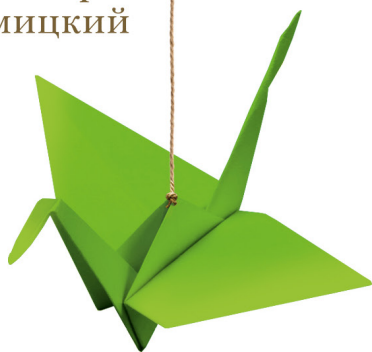
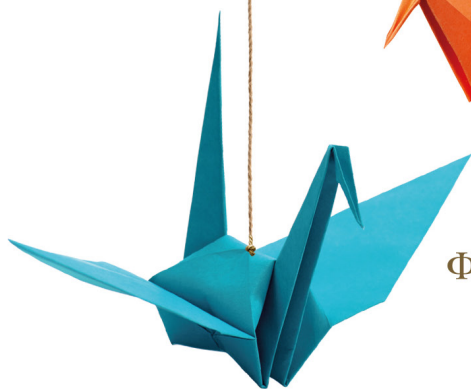

Клементина
Ширшова

Елена
Севрюгина

Андрей
Фамицкий

Триптих

Елена Севрюгина

Человек внутри

Андрей Фамицкий

У тебя из глаз

Клементина Ширшова

Книга мёртвых

и шоколад

Триптих

С предисловием

Владимира Гандельсмана

Синяя гора · 2025 · Москва

УДК XXX
ББК XXX
XXX

Севрюгина Е. В., Фамицкий А. О., Ширшова К. А.
XXX Триптих / Елена Севрюгина, Андрей Фамицкий,
Клементина Ширшова. — М. : Синяя гора, 2025. — 136 с.
ISBN XXX

УДК XXX
ББК XXX

ISBN XXXXXXXXXXXX

© Е. Севрюгина, стихи, 2025
© А. Фамицкий, стихи, 2025
© К. Ширшова, стихи, 2025
© В. Гандельсман, статья, 2025
© Издательство «Синяя гора», 2025

Путём любви

1. Елена Севрюгина

Стихи летят, легко летят, но не легковесно. Противоречивое событие происходит при столкновении формы и содержания: автор сетует на то, что слова не стоят подлинной подённости жизни и — порождённого этим совершенно земным притяжением — не стоят неба над головой и внутри, и это не беззаботное сетование, но... Но слог спасительно лёгок, и очень уместно быстрый четырёхстопный ямб поддерживает улыбка рифмы: «под гнётом квасилась капуста / слепые сонные в углу / от боли умирали чувства / зачем-то сказанные вслух», — улыбка, потому что рифма предлагает осесть и сказать «вслу», а не «вслух». А в другом случае «мир, сорвавшийся с орбит» тормозит рифма «арбитр». Один из фирменных авторских приёмов: принудить беззаботного читателя не скользить взглядом по тексту и сосредоточиться.

Этот взлёт, начатый первым стихотворением, поддержан вторым, «Сагой о поэте»: «луна роняет свет сиротский», — а дальше, взяв разгон, поэт свободен распоряжаться ритмом как ему заблагорассудится, и потому он «сидит, почти что счастлив, / читает вслух почти что стих». Иронический взгляд на себя его не оставляет, но читатель по достоинству оценивает не только иронию, но и беглую игру слов: «стих» прочитывается заодно и как глагол, и тогда возникает милый абсурд — поэт читает вслух, но при этом он стих (затих).

Занавес открыт, действие осваивает новые темпоритмы.

Появляется море, а с ним не только лирическая плавность, но и подводные течения, и тре-

вога, и всяческие предзнаменования непокая. Ничего не декларируется, всё выражается какими-то лексическими или синтаксическими сдвигами, мгновенно наводящими объектив на резкость. Допустим, «но ты как будто пишешь мне письмо, / но ты как будто дышишь мне письмо». («Поэт — издалека заводит речь. Поэта — далеко заводит речь» — вспоминается цветаевская формула, не правда ли?). Надышанное словно бы на стекле письмо не замутняет его содержание, но проясняет, потому что дыхание и есть его суть. И одновременно, не в ущерб ясности, возникает двойное изображение — *до* стекла и *за* стеклом, над гладью моря и в глубинах его, — возникает путь с угрожающей точкой невозврата, и над ним — центральный и сногшибательный образ:

но прыгает глазная стрекоза
перебирая строчек образа
внезапной невесомостью распята.

(Правильнее было бы сказать об этом образе: с-ног-стрекозиных-сшибательный). А затем, исчерпывая тему, но не жар говорения, зеркальным отражением упомянутых «пишешь мне письмо-дышишь мне письмо» видятся строки: «как мне остаться в осени на миг / как мне остаться в осени на крик».

Стрекоза, этот летающий крест, это немислимое существо, влетает в текст с христианской лексикой: «образа́», «распята», — и не случайно притягивает своих родственников по месту рождения (рыб) и по месту обитания (человека). Пресуществование творится в опусе «Люди-рыбы».

Как известно, акроним «ихтис» в переводе с древнегреческого означает «рыба» и является

символом Христа. Утверждая двоякую природу человека, надводную и подводную, поверхностную и глубинную, автор видит человеческое небрежение к своим тайным возможностям, и тогда воскреснувшая было «рыба-символ» в сотни тысяч раз в нём умирает.

Тема воскрешения и умирания звучит непрестанно. Ушедший в небытие обретает в памяти поэта удвоенное и уже несокрушимое бытие: «я стираю тебя а ты остаёшься / и тебя становится больше». Реквием и воспевание жизни то и дело меняются местами, но это мнимая перестановка, поскольку оплакивание, воплощённое в музыке стиха, является, как и гимн, утверждением жизни, а не смерти.

Тема умирания и воскрешения выплёскивается за пределы индивидуума и осваивает межгалактическое пространство, где галактики — культуры разных времён и народов, где звучит эхо этих культур и, достигая слуха поэта, становится вновь рождённой точкой отсчёта, в которой «любой из ушедших / как прежде живой». Одна за другой пробуждаются галактики то «деяниями древних полководцев», то «камланием языческих жрецов», в них «вскипают волны тигра и евфрата» и т. д., и это погружение длится и длится, пока автор его не завершает:

меня как рыбу выкинет на сушу
мой верный волк
мой вещий беовульф

А вот озвученная под занавес строка: «значит, скрывайся и радостно жди». Конечно, она перекликается с тютчевским: «Молчи, скрывайся и тай / И чувства и мечты свои...» Думаю, Тютчев понимал, что «Мысль изреченная есть ложь» относится и к его афоризму. В ином случае

следует признать, что вся великая поэзия лжива. И всё-таки мы понимаем, о чём речь: о том, как мучительно трудно произнести единственно точное и существенное слово. Оно должно родиться.

В случае Е. С. перед нами — запечатлённое рождение голоса, возвращающего из глубины и тишины (из «подлёдного лова») те стихи, которые беспорядочно обрушивались на поэта и словно бы ждали, когда спрятанная в его сосредоточенном существе поэтическая тайна придёт в движение и вернёт её, стихию, в стихах: «это твой голос струится с небес, / бьётся в траве, барабанит по стёклам».

2. Андрей Фаицкий

Удивляет прямота высказывания. Удивляет умение мгновенно пройти путь от беглого наблюдения к сути дела, иными словами, от обыденности к метафизике.

Вот начала нескольких стихотворений: «мы поедem на электричке...», «сигарета, упавшая в снег...», «как ярко вспыхивает спичка...», «как буднично всё это происходит...», «шесть соток фамильного сада...», «за гаражами, где бомжи...»

Но есть и другие начала, где движение происходит в противоположном направлении: «а те, с кем ты чаёвничал над бездной...» или то, которым открывается подборка: «коридор кончается бесконечностью...»

В этом вступлении в последней строке происходит решающее событие преобразования «ты» в «я». Герой совершает героический шаг, принимая вызов коридора («бесконечность»), и ступает на путь, не сулящий лёгкой жизни. Он перестаёт быть кем-то во втором лице («ты»), кем-то

наблюдаемым, и становится собой («я»). Как хорошо подан этот переход, этот «порог»! —

ты заходишь. и вот я здесь.

Всё дальнейшее — от первого лица.

Удивляет безапелляционная и горькая правда стихов, следующих за вступлением. Они обращены к отцу: «когда мы встретимся отец / пощады не проси». Не только бесстрашные слова, но и страшные. Мне вспомнились стихи советского поэта Юрия Кузнецова, впрочем, я их никогда не забывал. Мальчик с матерью на могиле отца: «Отец! — кричу. — Ты не принёс нам счастья!.. — / Мать в ужасе мне закрывает рот». Возможно, потому вспомнились стихи Ю. К., что следующее стихотворение Андрея начинается так: «батя вернулся с войны». В нём как раз звучат воистину страшные-бесстрашные слова:

ты не смотри что мертвец
я всё равно твой отец

Погиб ли он на войне, и это воображаемый диалог, или отец вернулся в виде «живого трупа» — не имеет значения. Важен ответ сына:

так умертви мертвеца
он и живой меня бросил

Отец дважды не прощён: и живой, и мёртвый.

Интересно, что в стихотворении есть слово «самострел». Автор его использует для обозначения детского арбалета (его мастерит мальчишка-сын), но оказывается, что это не только задуманное автором эхо войны, с которой вернулся отец, но, я думаю, и не рассчитанное автором предвестие самоубийства, происходящее в следу-

ющем стихотворении. Из таких переключек возникает полифония.

Эта вещь продолжает тему отца, но совсем по-другому — отца теряет «воспитатель Марина»: «ночь за школьным автобусом Виктор, обычный водила, / провисел, а с утра мы сбежались смотреть мертвеца, / долго после Марина в заплаканном чёрном ходила». Согласитесь, всё определяет пауза перед «долго», и это называется мастерство.

Удивляет мастерство концовок. Отец звонит по телефону — и это прощальный звонок в том смысле, что закрывает тему, — он жалуется на здоровье, на безденежье, затем автор словно бы в скобках замечает, что свою злобу отец срывал на сыне, что сын заплатил за это избиениями, детдомом, что он, в конце концов, освободился и что «вырос он писатель и гордец»... Отцовский упрёк? Нет. И вот она, концовка: «об этом, правда, думал не отец, / а думал я, когда повесил трубку».

Ещё одна тема — тема двора: «за гаражами, где бомжи...» Там, за гаражами, мальчику показывает дворовой стриптиз какая-нибудь девица. Первые досадные уроки. Через какое-то время он вернётся на место «преступления» без всякой досады, наоборот...

я должен был сказать тебе «спасибо»,
и я пришёл, но не было тебя.

Тот самый переход от временного и мимолётного к безвременному. Такое вечное разминование: там не было мужчины, а здесь нет девицы. Но речь не об этом смешном случае и несостоявшейся случке, речь о не встрече двух космических событий, каковыми являются люди. Именно поэтому автор, чувствуя эфемерность жизни,

её секундность, смотрится в неё (в океан), «всею силой держа, кто безмерно близок, / по крупнице теряя, что было мной».

Удивляет количество строк, которые мне хотелось бы процитировать. Но я пишу не рецензию, а всего лишь вступительное слово. Поэтому ещё одно соображение и одна-две цитаты. Предполагаю, что искусству пройти краткий путь, упомянутый вначале — от обыденности к метафизике, — автор обязан (в частности, в частности!) Владиславу Ходасевичу с его «Пробочка над крепким йодом!..» или Георгию Иванову с его «Всё чаще эти объявления...»

шесть соток фамильного сада
луна освещает, но мне
немного, по совести, надо,
и этого хватит вполне.

сидеть на ступенях веранды,
смотреть, как сгущаются: тьма,
и жизнь, и её варианты,
и прочие игры ума

Одно из последних стихотворений в подборке А. Ф. посвящено Клементине Ширшовой, в котором есть строка: «родная, жива?» — «жива». И это звучит так, как если бы Андрей передавал слово Клементине. Тем более, что так оно и есть.

3. Клементина Ширшова

Стихи — интенсивное пребывание на границе жизни и смерти в облике слова. Это очевидно. Но мало у кого оно, пребывание, столь же очевидно, как у поэта К. Ш. Так стремительно происходит пересечение всех дозволенных границ,

так без обиняков, так решительно и так рискованно, что кажется: нет пути назад. Но есть. Поскольку вот они, эти стихи. Они предъявлены под вызывающим заголовком — «Книга мёртвых и шоколад».

Сочетание несочетаемого. Возвышенного и обыденного. Потустороннего и повседневного. Скажем, так:

позовите свету? какую ещё это,
ожидайте ответа, похоже, что нет свету.

На ровном месте исчез свет. Только что горел и перегорел. На неизбежно утверждённых пространствах образовалась дыра, и что там, в чёрной дыре, поди узнай... Ничего не излучает, кроме бесов. Как у Пушкина: «рой за роем», — а как мы их зароем, если они привычны и ты «без особого интереса / наблюдаешь, как хозяйничают в квартире...»? На ровном месте Орфей теряет Эвридику, и тут впору задать вопрос: за ней ли он шёл? Не хотел ли испытать силу своей любовной песни и победить богов? Песня воистину поразила Аида и Персефону, и не в это ли мгновение он достиг предела своих желаний?

В одном из центральных, на мой взгляд, стихотворений («Самая долгая ночь») роль Орфея играет девушка. В годовщину смерти отца она погружается в сон и во сне ищет отца-Эвридику... Читатель прочтёт и увидит довольно страшненькую картину. Например, на вопрос «где отец?», девушке отвечает некое «оно»: «там, наверху, за шкафом / под столом болтает ногой / ковыряет вилкой салат / притворяется, будто покойный брат...» В финале, уже покинув дурной сон и оставив отца в царстве мёртвых (замечая при этом: «ведь мой папа жив и здоров»), автор признаётся, что «всю жизнь любила играть с огнём».

Возможно, в этом суть дела.

Поразительное свойство некоторых вещей в том, что они обретают бесконечность мифа. То есть бытовое повествование как бы покидает плотные слои атмосферы и бесстрашно устремляется в космос. Так, вроде трёхступенчатой ракеты, живёт триптих «Мы». Двое, он и она, хоронят его жену. Рассказ ведётся от имени женщины, глядящей на умершую: «неподвижно смотрит, / вижу: тебя зовёт». Эта история, которая заканчивается словами: «когда она отлетит — когда ты умрёшь, / я буду смотреть на вас», — эта история тысячу раз могла быть реальной, но она обретает неслыханный масштаб и фантастические черты, опасные, противоречивые, жестокие, нежные и... необъяснимые.

Есть в одном из текстов К. Ш. такая строка: «точка разрастается до предела». В конце концов, мы видим звезду как точку. Всё зависит от степени приближения. А степень приближения не обязательно выражается в мерах длины. Более того, мы не узнали бы некий отдалённый предмет, возникни он перед глазами.

На ровном месте воображение взрывается и возникает вселенная. Этот удивительный образ возникновения жизни явлен в стихотворении «в младенчестве не кричала...», где следом за объяснением, *почему* не кричала («на то, что предрешено / ребёнку ответить сложно / как это всегда и должно / тому, что пропасть должно»), идёт великолепный и неожиданный финал, где ребёнка ждёт превращение:

он — выпущенная книга
и будет лежмя лежать
покроется слоем пыли
завалится за кровать
но кто-то найдёт однажды

притянется как магнит
сожмёт корешок бумажный
и внутренне закричит

На ровном — буквально — месте происходит ожидание трамвая. Никакое, ничтожное, будничное, заурядное, тягостное, осоловелое ожидание, «и никто, конечно, не замечает / рядом с ними с ума верно сходит некто / начинает раскачиваться» («на ровном месте» и «суть дела» — ключевые слова в данном тексте), а суть дела в том, что этот «некто» сходит с ума от того, что с ним ничего не происходит, и ему суждено поесть, поспать и снова где-то ждать трамвая, и тогда грохочет воображаемая авария, сталкиваются две машины, и все застывают, и... «и от туда никто не вышел / все стояли, не замечая / долгожданного приближавшегося трамвая», и при всём при этом на их лицах написано: «вот оно!» И это эпос.

Суть дела ещё и в том, что «Книга мёртвых» в дословном переводе с древнеегипетского означает «Сказание о восхождении во свет», и это книга магических заклинаний, защищающих умершего от зла. Не зря К. Ш. в цикле «Жрец» пишет: «почему нам дано спасение, / кто поставил его на свет?» И не зря она заканчивает свою книгу такими строками:

зато проклянусь, прорасту до неба
блаженно воссоединяясь с ним
былинкой, превращающейся в небыль
путём любви и больше никаким

Владимир Гандельсман

Елена Севрюгина
Человек внутри

* * *

варила щи компот варенье
колола на зиму дрова
слетали с уст стихотворенья
пустые мёртвые слова

созвучья пестовала нежно
сплетая вздохи с тишиной
а небо оставалось прежним
внутри меня и надо мной

под гнётом квасилась капуста
слепые сонные в углу
от боли умирали чувства
зачем-то сказанные вслух

Сага о поэте

луна роняет свет сиротский
на стол, неровный по краям.
за ним — поэт, почти что Бродский,
почти что Бог, почти что пьян.

с высот своей слоновьей башни
порой поглядывает вниз
и ловит творческий кураж, но
пока похмелью он сродни.

он хочет слышать шум оваций,
ему призвание дано —
пусть ждать от вечности аванса
неблагодарно и смешно.

за ней не стоит волочиться —
хоть сгу, хоть крой — а всё не в масть.
она к тебе не постучится
и даст в неизвестности пропасть...

теперь что воля что неволя —
но как спасительный родник
в мозгу, пронзённом алкоголем,
безумный замысел возник

и всё рифмуется так рьяно —
и мир, сорвавшийся с орбит,
такой восторженный и пьяный —
таланта божьего арбитр.

а вечер, к таинству причастный,
картину тушью запостит —
сидит поэт, почти что счастлив,
читает вслух почти что стих...

* * *

В. — Помнишь, как в Италии над морем летала крышка гроба?

А. — Нет.

В. — Была ужасная буря, мы сидели в отеле, смотрели в окно...

А. Паперный, «Август»

помнишь
как в Италии
над морем
медленно
летала
крышка
гроба
и на волны плавно приземлялась
словно ожидая панихиду
по несуществующим героям...
нет не гроб была конечно лодка —
то что от неё тогда осталось...
помнишь шторм — тогда кричали чайки
маленькие белые на чёрном
с высоты пикируя на волны
словно скоростные самолёты...
помнишь лето... помнишь наше лето
с запахом грозы и апельсинов
и арбузных корок вдоль канала
что ведёт до площади Сан-Марко
дождь внезапный голуби и крыша
белая намокшая рубашка
губы губы руки снова губы
и легко и просто невозможно
просто невозможно потому что...
помнишь море?
я не помню тоже...

Осень Блока

осенняя пора... memento mo...
ночь улица фонарь уже не в моде
но ты как будто пишешь мне письмо
но ты как будто дышишь мне письмо
как выдох-вдох на выходе и входе

туда где свет откуда путь назад
заговорён до точки невозврата
но прыгает глазная стрекоза
перебирая строчек образа
внезапной невесомостью распята

нисколько не боясь перегореть
горит свеча среди природной хмари
к заветному приблизившись на треть
приказываю телу умереть
и растворяюсь в палевом тумане

и видит твой печальный материк
что до меня добраться так же просто
как мне остаться в осени на миг
как мне остаться в осени на крик
слегка суицидального подростка

не доверяя дням календаря
ты на мгновение прикрываешь веки
и видишь как друг в друге повторясь
астральные осколки фонаря
стучатся в дверь заброшенной аптеки

Люди-рыбы

люди плывут видишь люди плывут на работу
по дороге теряют шляпы плащи и боты
и у всех на лице заботы дела заботы
и так до субботы до выходного дня...
и наверное надо кому-то сказать «спасибо»
за то что повсюду плавают люди-рыбы
я это чувствую я это вижу ибо
от рождения особое зрение у меня

и волнуется море и небо блестит как смальта
а людям кажется они идут по асфальту
по простому такому по серенькому асфальту
и нет у них жабр и причудливых плавников
и все они так глубоко в своих тайных норах
прячут от мира загадочный рыбий норов
и никогда не уйдут из своих камор off
камер закрытых от света и сквозняков

и я обращаюсь к аллаху кришне и будде
пусть они скажут что люди совсем не люди
что у них вместо ног хвосты гениальный руди-
мент чтобы плавать на самом глубоком дне
но остаётся на сердце тяжёлый камень
люди идут размахивают руками
пренебрегая звёздами сквозняками
и огромная рыба (вот уже в стотысячный раз
наверное)
опять умирает во мне

Чукотское

человечек мой... человечек мой...
и сказать-то как будто нечего —
раскололись на «я» и «ты».
вроде латано, вроде лечено,
но грустит ангелочек вечером —
неземные глаза пусты.

но сказать-то как будто надо бы...
тучи мечутся над Анадырем,
в море баржи врастают в лёд,
мёрзнут домики за оградами,
в небе выгнувшись чёрной радугой,
разрастается рагнарёк.

расставанья фрезой резвою
я себя по живому резала,
рассыпался по сердцу снег —
разрывалась над снами-безднами,
усмиряла себя да без толку...
был — и без вести... был — и нет...

не найти тебя — горе. горе ли,
что во мне бесконечно спорили
север, запад, восток и юг?
старых вёсен сгорает чучело
выбегают из чумов чукчи и
горловую тоску поют

колыбельную баю-баиньки
я пою тебе, милый, маленький
на Чукотке настала ночь...
я бы свет погасила в спальне,
а под утро сваяла валенки —
только нету меня давно...

Энтропия

я стираю твой образ
тыльной стороной ладони
провожу по глазам
чтобы больше тебя не видеть
так спокойней так легче думать
что знакомое мне лицо
навсегда утонуло в мешочке слёзном
я снимаю твой оттиск
со стены где хранится память
чтобы в дом возвратилось время
о котором почти забыла
в суматохе тревожных мыслей
никогда навсегда
по ночам ко мне приходящих
и тогда напуганный метрономом
мир остаётся миром
дом остаётся домом
дверь остаётся дверью
окна и стены более не порталы
за которыми нечто о чём неприлично людям
о чём так обычно небу
твоему моему чужому...

я стираю тебя а ты остаёшься
и тебя становится больше
оттого что уже невидим
и уже почти неведим

* * *

быт переходит в инобытие
ты знак даёшь из памяти моей
биением часов шуршанием мыши
и в час когда стирается бельё
и кухонное царствие моё
шумит то даже в нём тебя я слышу
в своём мирке мечтаю о другом
так проще примириться с утюгом
с горой посуды ржавчиной и пылью
и скоро жирных пятен острова
прошепчут мне сакральные слова
пока размеренные капли не забыли
отстукивать твой ритм, твой шаг... весна
на улице... как лесенка лесна
как пена пенится и кружево кружится
и клонит в тихий сон случайный чай
и в мире невозможно заскучать
когда он сам на музыку ложится
ну а пока зовут издалека
то чайник то гладильная доска
то из-под крана тусклая река...
то пены голубые облака
то кара-кумы сахара-песка
и жизнь легка
и вечером легка
на утомлённом лбу моём рука
твоя рука...

ну вот и всё (а говорят — не лечит)
на третий день дышать немного легче,
январским сном сменяется страда,
и так легко не прятаться, а длиться,
листать метелью сломленные лица,
но верить, что «спокойно спит багдад»
теперь расположиться поуютней
и слушать, как невидимые лютни
играют возле сердца тишину,
которой было так ничтожно мало
в лазейках временного интервала,
с гармонией ведущего войну
ну вот и всё — так бесконечно странно
вернуть себе моря, чужие страны
и всё, что тихо плещется внутри,
а вот тебя, разросшегося в почве,
как будто нет, как будто сняли порчу —
и пустота... и не с кем говорить...
перетерпеть — и новой выйти в завтра,
перетерпеть — всё кончится внезапно,
и снег, и лёд, и ветер, и метель...
январскую помешивая пшёнку,
я уплыву легко и отрешённо,
как ты хотел, как ты того хотел...

* * *

запишу себе имя —
останется на века
абрикосовым запахом
шелестом сквозняка
ты однажды уйдёшь насовсем
а пока пока
запишу себе имя

будет влагой питать
чьи-то реки и родники
ледниковой разлукой
стекая с моей руки
нынче башни колодцы
особенно маяки
остаются пустыми

но нет чувства такого
чтобы всего лишь раз
но нет света такого
чтобы навек погас
но нет смысла такого
чтобы из пары фраз
оттого чьё-то имя
всегда согревает нас

согревай меня
зимним дыханием на окне
говори потому что
иначе спасенья нет
оставайся со мной
продолжайся внутри и вне
зыбким театром
моих дорогих
соляных теней

так надёжнее
так верней

запишу себе имя...

II

нас извлекут из пустоты,
не сразу всех — поочерёдно,
и вспыхнут грустные цветы
на коже памяти подводной,
и вспомнит вечная вода,
вращая времени спирали,
о том, чем были мы тогда,
когда ещё не умирали

когда в бесплотной высоте
мы были лепетом и летом
и, не имея глаз и тел,
срастались голосом и светом,
когда, оставшись за дверьми
не нами созданного рая,
внезапно сделались людьми,
себе судьбу не выбирая

а было всё — и грех, и град,
и грот, и горы, и ограда,
а было всё — и смех, и сад,
и солнце с привкусом распада...
саднит вчерашняя зола,
но грезит смыслами земными
небес чернильная смола,
ища потерянное имя...

* * *

засыпают низы а потом забывают верхи
из глухого огня вырастает треножник ольхи
распадается круг возникает забвенная зона
тьнь ложится на грудь горизонта
воспалённо дыша заболевшей удушьем весной
вырастаем из тел кочевых из обугленных снов
из ветрами потресканной кожи
на себя непохожи
на иных непохожи но кажется чем-то жива
корневая основа сверставшая годы в слова
опустившая веки веков в золотые порталы
ворожкой краснотала
полынной латынью сильны
голоса прирастают смешеньем вины и войны
серебрится сократовым смехом
безымянное эхо
в этой точке любой из ушедших
как прежде живой
и земная трава навсегда остаётся травой
поимённо всплывают секунды события лица
тишина замирая в языческом небе троится
как десятки столетий назад
бесконечное время назад
как тогда
и уходит вода
но приходит другая вода
навсегда

имярек

бесконечны паузы небес
человечек умер и воскрес
век челом печали без числа
праха порох память плеск весла

то-то человечка будут грызть
страхи боль раскаянье корысть
малые с горошину но всё ж
имярек иначе в мир не вхож

имя реки имя на реке
мелкий мир дрожит на поплавке
мается держи меня держи
не сорвался в омут значит жив

что тебе до магии имён
что тебе до мании знамён
что тебе до тяжести креста
если ты покой и пустота

у тебя ведь нет ни рук ни ног
у тебя ведь нет ни да ни но
нету у тебя ни до ни да
ты сквозняк воздушная среда

ты река
текущая строка
ты строка
текучая река
прорастает в корне языка
звук не осязаемый пока
и горит надмирный горловой
голос твой

* * *

это то чем была я
в когда-то непрожитой жизни
профитроли мартини
усталые томные мачо
лепестки своих тел
на любовном раскрывшие ложе
в необъятной гостинной
на вилле у синего моря
и сама я развязна распутна
изнежена лаской
усыпляющей роскошью спа
дорогих лимузинов
и недобрым магическим блеском
фамильных брильянтов

*

это то чем я стала
травой и осколками эха
золотящейся нитью
земного печального солнца
что уходит корнями в закат
нестерпимо бордовый
чьей-то робкой мечтой
ожиданием детской улыбкой
материнской заботой
рисунком на мокром асфальте
незаметной грозой
вдалеке нарастающим гулом
зёрна града несущим
в холодном бесформенном теле
он однажды пробьётся наружу
звучащей вселенной
и меня обнаружат...

*

...а значит что всё не напрасно
не случайно неявная жизнь
зародилась у кромки
заповедного зыбкого
тихого вязкого злого
чтобы после —
рассвет
и круги
и чуть слышимый шорох...

Песня

голова усталой песни
опустилась покатилась
по дороге вдоль обрыва
и рассыпалась на звуки
на бемоли и диезы
на мажоры и миноры
до-ре-мины си-ля-доты
трум-пум-пушки
трам-там-танки

*

нам не надо этой песни
огибающей долины
душной лентой рек багровых
чёрной дымкой громкой скорби
лучше всхлип речного ила
где беззубые моллюски
в немоте произрастая
обретают хрупким телом
океана мерный голос

*

у всего на свете голос
будь то сокол или нерпа
кабарга или акула
или заросли осоки
у всего на свете имя
что трепещет оберегом
зыбкой тайнописью строчек
не написанных в тетради
в сердце музыки пропетых

Людимы

люди люди где вы нынче есть
людям заворачивают взвесь
неживого с примесью живого
отсырев под пальцами дождей
люди убегают от людей
на исходе дня сторожевого
в ульях улиц лужи-волдыри
разрывают город изнутри
мокрым следом тянутся до станций
снова замыкается кольцо
пятится знакомое лицо
пожелав неузнанным остаться
у пруда знакомая скамья
там где я которая не я
каждый раз глазееет на прохожих
в мире вещи вечен ли девайс
люди люди я смотрю на вас
в тонкие просветы толстой кожи
отчего идущим вдоль реки
запретили скрипки и смычки
отчего улиточные лица
тянутся вдоль летнего ларька
думают побегу тростника
адовой водой опохмелиться
и сто лет холодная война
а вокруг бушует тишина
та которой мы когда-то были
застывает времени песок
зарится на золото ясон
поставляет слитки в аргмобиле
время нас торопится прочесть
люди люди где вы нынче есть

а по ночам приходит стиховолк
и открывает внутреннее зреньё
ворует душу и съедает тело
потом воркует голубем над ухом
ожившие подземные ключи
фантомами выходят на поверхность
и сердце мириадами агоний
взрывается и вздрагивает пульс
прерывистым дыханием звериным
и вспарывает нёбо диафрагму
осколком древней памяти людской
вот гул одной из дремлющих галактик
пронзительно срывается на крик
в момент её слепого пробужденья
а следом пробуждаются другие
деяниями древних полководцев
камланием языческих жрецов
вскипают волны тигра и евфрата
в магическом зиянье междуречья
заводится вселенский механизм
взлетает ввысь великий эсперанто
призывным гулом башни вавилонской
и я опять безмолвно погружаюсь
в святой источник марсианских вод...
но вот упав в очередную вечность
где я переживаю неизменно
двенадцать красных лун реинкарнаций
двенадцать эр клинических смертей
я снова жду минуты расставаний
когда из тёмных вод заговорённых
меня как рыбу выкинет на сушу
мой верный волк
мой вещий беовульф

на втором этаже
местного торгового центра
бабушка-корейка
вяжет внуку белые русские варежки
рядышком палки для шведской ходьбы
милота да и только —
коридоры кишат людьми
местными и приезжими
постоянными и случайными
люди поднимаются вверх / опускаются вниз
опускаются вниз / поднимаются вверх
опускаются вверх / поднимаются вниз
вверх/вниз вверх/вниз вверх... вниз...
это пчелиный улей
беспорядочный рой
нескончаемый хаос
но это только так кажется —
если настроить зрение
к миру лежащему в сфере неочевидного
можно увидеть лестницу
ведущую прямо к асгарду
к исполинскому ясеню
к дереву иггдрасиль чьи могучие корни
соединяют небо землю и преисподнюю
сохраняют хрупкое равновесие
пока звон спиц в морщинистых пальцах
перекрывает набат самых громких колоколов
гул самых страшных орудий
лязг самых прочных цепей
шум самых нелепых приказов

* * *

в первый раз родилась и в последний умру
чтобы ртутью дрожать на холодном ветру
вызреть в темноте галактических дыр
возвращаться непойманным всплеском воды

вы — чьё имя за гранью последнего дня —
не шепчите меня не звоните в меня
не кричите меня миллионом имён
пусть останется слова не собранный мёд

станет воском стекать ворожить в пустоту
колокольной тоской камышинкой во рту
терпким ливнем что льётся в гортань соловья
золотой тишины разомкнулись края

проливается света звенящая нить
новым небом дышать нервным небом хранить
остролистную завязь степного цветка
многоструйную речь из речного песка

у истоков земли холоднее вода
вам не видно но я возвратилась сюда
голубая смола порошок у глаз
в первый раз умерла в сотый раз родилась

чёрные реки тоскуют по греку
да упокойся глядящий во тьму
жизнь — это реквием по человеку
колос и колокол по человеку
и бесконечное слово ему
существование его иллюзорно
но на излёте земного пути
время проходит и копятся зёрна
неутомимые копятся зёрна
чтобы однажды наверх прорасти
век человеческий малость ли милость
душного тела сейсмический смог
снова лицо на лицо наслоилось
стало родным примелькалось приснилось
чтобы вселенский продлить диалог
будет простым многоточием в споре
беглый испуг над неявной рекой
словно хрустальному голосу вторя
хрупкое небо спускается в море
и обретает под небом покой

III

готовимся к весне —
раскидываем вещи
вот синий сарафан,
вот шёлковый носок
а мир, живущий вне,
оскалился зловеще,
и тикают часы,
и сыплется песок...

и сыплется и сы
ромятническим духом
исполнена страна,
разрознённая всклянь —
поставим на весы
и голосом и слухом
желанную, как сыр,
невзятую Казань,

где в казане слова
в пропорциях безумных
слипаются в любви
насыщенный рассол —
поставим на раз-два
напротив зла и зума,
и скажем им «живи»
да будет хлеб и соль,

и свет, и дождь, и снег
и силы для дыханья —
не лёгочного, а
из самого нутра...
готовимся к весне
трамвая громыханьем
и проблеском добра
и промельком пера...

на морозе гулкое «прости»
превратится в лёд довольно скоро —
снег идёт и путает пути,
в белое окрашивая город,
и уже неясно ничего,
снег идёт — я слушаю его

снег идёт — и кажется, что он
здесь от сотворения Христова —
окружая нас со всех сторон,
заметая нас со всех сторон,
мир шалит, как юный Казанова,
вновь зима — и несть тому конца,
воздух — как дыханье мертвеца...

студит душу ветер ледяной,
и, собрав оставшиеся силы,
я бреду за днём, а день — за мной,
за моей ослабленной спиной —
и твердим грядущему «спасибо»,
что не вечны сон и тишина,
что дойдёт до города весна

прозвенит подземная трава,
что однажды кончится и эта
магия чужого колдовства,
мания несбывшегося лета...
но о жизни зная наперёд
снег идёт — как прежде, снег идёт...

закрывать глаза и не открыть потом
остаться снегом голосом и ртом
слепым ручьём который будет течь
в знакомый океан — родную речь
уйти в себя и не достать со дна
мне очень больно если я одна
так прекращает хрупкую игру
ломающийся стебель на ветру

спаси меня когда вокруг февраль
как будто кто-то жизнь мою украл
как будто расступилась на века
моя неполноводная река
забудь кто я и где меня искать
когда спешит к забвению тоска
на том конце замедленного дня
оставь меня не оставляй меня

и я восстану из небытия
из горестного пепла и вранья
в календаре свершившихся примет
оставив вербный след и верный свет
отчаянный внезапный слюдяной
молчи со мной поговори со мной
чтоб на пути к забывчивой звезде
осознавать я здесь и я нигде

* * *

прошлого седые жернова
вдаль дорога чёрная петляет
расплескает неба киноварь
на меня нацеленный январь
иглами снежинок расстреляет
хватит слёз непрошенных сполна
в мире заурядном и не новом
но опять приходит тишина
в сердце колобродит тишина
не осознаваемая словом

сердце-ледяная полынья
ты давно у боли на примете
подскажи мне где мои друзья
сердца сокровенные друзья
даже эхо толком не ответит...
вспоминаю их по временам
посреди зимы неблагодарной
собираю их по именам
позабытым тайным именам
как особый бисер антикварный

в бесконечном мороке беды
скоро забывается иное
наши обнуляются ряды
наши заземляются сады
и ростки стремятся к перегною
в тусклой панораме февраля
горестно, надрывно, непритворно
будет плакать мёрзлая земля
и крылом степного журавля
гладить покалеченные зёрна

* * *

человек у меня внутри
падает умирает на счёте три
оживает потом умирает вновь
говорит не губи меня
не гони я твоя любовь
ты верни мне меня
внутри меня человек
дай срастись опять
по косточке по хрящу
я прощу тебе боль и былъ
и дрожанье век
только дай мне покой и свет
я прощу прощу

человек внутри
приходит ко мне с мешком
тот гремит железом
пахнет чужой бедой
загустевшей кровью
ложью и наждаком,
и хмельной водой
мне брататься с ней
причащаться ей поутру
мне нести в себе грозы
небо и облака
человек внутри
говорит мне что я умру
что река мелка

я не верю тебе
мой самый глубокий сон
мой молчащий страх
железный капкан и сеть

я проснусь проснусь
вопреки предсказаниям сов
я не буду жить
словно вниз головой висеть
головой да над пропастью
чёрной голодной злой
что меня поджидая
ощерила волчью пасть
человек внутри
оседает седой золой
и уже не упасть мне
над пропастью не пропасть

а если я умру а если завтра
последний день москвы или помпеи
не для меня горят кассиопеи
и ловятся миры в пылу азарта
нелепый призрак сумеречной чащи
по ниточке по ниточке тончайшей
иду печаль и крик в картине босха
марионетка куколка из воска
я царь я раб так некогда державин
я червь я бог проржавлены скрижали
подвергнуты сомнению законы
моей мечты квартирно-законной
закутавшись в полночную аллею
я свой бессонный вакуум лелею
пока могу пока ещё не поздно
в котёл небес подбрасываю звёзды
поскольку «завтра» призрачно и зыбко
как бабочкой слетевшая улыбка
с кота что был (простите бога ради)
случайно мной у кэрролла украден
что я кто я
чернила и тетради
сожжённые
воскресшие тетради...

* * *

жмут сильнее памятные кольца
осыпает небо на рассвете
жизнь моя похожая на солнце
жизнь моя похожая на ветер
знает что навеки нас связали
речь моя похожая на горы
и к тебе не видима глазами
я приду однажды — значит скоро

я вернусь дорогой гильгамеша
я свершусь мольбами моисея
светом ослепительно крошечным
озарю печальное веселье
жизни неизбежно-непреклонной
где хвалы звучат как обвинения
где стремятся киберы и клоны
на людей устраивать гоненья

я вернусь чтоб нам вернуться вместе
в мир доисторически молчащий
где небес воздушное поместье
примет нас простых и настоящих
заселив на вечные квартиры
где встречают новых постояльцев
запахом амброзии и мирры
мы пришли — и можно не бояться

* * *

и всё как прежде всё как встарь —
по блоковскому завещанью
рябины жертвенный алтарь
комод с забытыми вещами
под окнами тревожный стук
дождя начавшегося с ночи
который вечности короче
и непрерывный тремор рук

сады отцветшие пусты
скрипят бессонные качели
и ты итыитыиты
от каждой тьмы из каждой щели
с воды с травы с земли с небес
с лесной тропы с куста ракиты
воспоминанием забытым
внезапной мыслью о тебе

на глубине моей реки
где всё болезненно и звонко
пылятся счастья островки
как непроявленные плёнки
и можно мыслью сном судьбой
пока закат горяч и матов
в деревню к тётке в глушь в саратов
когда к тебе когда с тобой

* * *

всё это выше поверх головы
кошка шиповника голубь травы
селезень зелени майской
нынче всё то что живёт напролом
синяя чаща речной бурелом
скинет привычные маски

всё это где-то когда-то давно
было со мной залетало в окно
дробью синичьей стучало
и застывало на хрупких весах
и замирало в старинных часах
и уводило в начало

лепетом лета гулили слова
падала с плахи небес голова
млечным путём обращаясь
и ноосферами стройных стаккат
в палевый вечер врывался закат
чтобы уйти не прощаясь

в то непонятное вечное вне
в чьи зеркала на слепой глубине
смотрятся дети и совы
где от свинцовой земли утаю
светлость мою непонятность мою
и невесомость

город в своей глубине утонул,
как накануне подлёдного лова...
мир — беспокойный навязчивый гул,
шумный предшественник тихого слова
значит, скрывайся и радостно жди —
и расшифруется (рано ли, поздно),
что говорят проливные дожди,
чем обернутся июньские грозы

эй, не робей, нажимай на верхи
водных потоков, искрящихся линий —
будь победителем грозных стихий,
будь заклинателем молний и ливней
выстрой музыку и повтори,
эта стихия — твоё отраженье
всё, что снаружи, и всё, что внутри,
спящую тайну приводит в движение

станет восторженной, станет больной —
и обнаружится нечто такое
в мрачной нирване разнузданных дней,
бьющих в набат, не дающих покоя
значит, ни страха, ни смуты, ни бед —
ставший сияньем над миром прогорклым,
это твой голос струится с небес,
бьётся в траве, барабанит по стёклам

Андрей Фамицкий

У тебя из глаз

* * *

коридор кончается бесконечностью,
за которой стоит звезда.
ты сидишь, дуреешь с какой-то нечистью,
как давно ты попал сюда?

да и как сидишь — взад-вперёд болтаешься
от двери до другой двери.
говорят, что и та бесконечность — та ещё,
и звезда — с темнотой внутри.

и пока ты ждёшь, не подходит очередь,
не оставить ли всё как есть,
раз не станут там ни любить, ни потчевать?
ты заходишь. и вот я здесь.

* * *

отец-то был большой бунтарь
и маленький поэт
он заставлял зубрить букварь
и больно бил в ответ

когда я путал мягкий знак
кулак был твёрдым как
вы угадали твёрдый знак
«иди сюда дурак»

теперь я сам во многом спец
жи-ши ать-ять зи-си
когда мы встретимся отец
пощады не проси

* * *

батя вернулся с войны
«вольно, — сказал, — пацаны
не для того я вернулся
чтоб вы надули в штаны»
и на меня оглянулся

я мастерил самострел
он на меня посмотрел
«значит ещё повоюем?
дай обниму пока цел»
сдобрил скупым поцелуем

старой пахнуло землёй
тёмной избой нежилой
чем-то чужим и колючим
«значит характер взрывной?»
и наклонился к онучам

«ты не смотри что мертвец
я всё равно твой отец
и никакая кончина
не помешает малец
быть им и это причина»

Господи сколько свинца
Ты посылаешь в сердца
смерть есть одно из ремёсел
так умертви мертвеца
он и живой меня бросил

* * *

воспитатель Марина считала, что я гомосек.
так мы этих людей обозлённо тогда называли.
если подозревали, своих же тащили на снег...
но не буду рассказывать, вам это нужно едва ли.

почему-то я вспомнил, виной ли вот этот сугроб,
или что-то другое, но прошлое, видимо, в силе.
потому и сбегаю из офиса, социофоб,
и стою на курилке, когда уже все покурили.

воспитатель Марина потом потеряла отца.
ночь за школьным автобусом Виктор,
обычный водила,
провисел, а с утра мы сбежались
смотреть мертвеца,
долго после Марина в заплаканном чёрном
ходила.

эти сказки для взрослых кому я ещё расскажу,
снег ложится на снег, и чернеет души домовина.
поднимусь на рабочее место и строчки сложу,
но надеюсь, что ты никогда не прочтёшь их,
Марина.

* * *

как будто можно отоспаться впрок,
но заставляли злые воспиталки,
да лучше б я не выучил урок
и тихий час талдычил из-под палки.

я б не курил по кругу за углом,
не опускал карбид в сырую воду,
и паренька, с которым не знаком,
не звал в побег из школы, на свободу.

но запирали двери на замок,
но забирали книгу и фонарик,
я подавлял немислимый зевок,
а мой дружок мне предлагал чинарик.

и вот теперь, в безмерный час ночной,
когда сосчитаны все овцы из считалки,
я отмечаю в книжке записной,
как были правы эти воспиталки...

школа

мы ходили в котельную,
где с нас состригали детство.
на рубашку нательную,
доставшуюся в наследство
от прокуренных старших,
молодой устремлялся локон,
а потом было страшно
засыпать у огромных окон
на огромных скрипучих койках
в холодном теле.
кто-то плакал во сне тихонько,
и дни летели...

и они пролетели.

приветливый парикмахер
вечно спрашивает,
какую хочу причёску.
я сижу перед ним
в дорогущей такой рубахе
и почти что привыкший
к своему покупному лоску.
возвращаюсь к себе —
нахожу себя на диване,
что стоит у стены,
от большого окна подальше.
и сострижено детство,
и мы обросли делами,
и хочу закурить
или просто уснуть пораньше.

* * *

звонил отец, и я базлал с отцом.
не думаю, чтоб он бухал спецом,
а просто — отчуждение, усталость,
оглох на ухо, и болит нога,
зарплаты не осталось ни фи́га,
а сыну ни за что тогда досталось.

достались избиения, детдом,
и он оттуда выбрался с трудом,
поступку было место и проступку,
и вырос он писатель и гордец.
об этом, правда, думал не отец,
а думал я, когда повесил трубку.

* * *

за гаражами, где бомжи пьют водку,
и начиналась молодость моя.
ты показала мне себя за сотку
среди металлолома и старья.

прошло немного времени, и снова
мы встретились на этом пустыре.
летел снежок на Рождество Христово,
и зябко было горькой детворе.

куда меня с тех пор не заносило —
в поля чудес, чащобы бытия...
я должен был сказать тебе «спасибо»,
и я пришёл, но не было тебя.

* * *

мёртвая Беларусь,
как я тебя боюсь!
только глаза открою —
ты уже тут как тут,
ищешь какой-то «кут»,
как мне с тобой такою?

есть у меня мечта:
вместо мечты — места
разные, дорогие,
а у тебя из глаз
льётся мертвящий газ
с запахом ностальгии.

я не такой, как ты,
но, затянув жгуты,
как оживить искусство?
утром дубинкой бей,
вечером дай рублей,
и не расти капуста?

днями с тобой делись?
рядом с тобой молись
соли и караваю?
вот он — чырвоны кут.
я расслабляю жгут
и глаза закрываю.

* * *

моя прабабушка-еврейка,
пройдя концлагерь и тюрьму,
любила симпатягу Швейка
и жизнь сверяла по нему.

она дымила папироской
и говорила: «ерунда»,
когда земля казалась плоской
и выпуклой была беда.

так рьяно с кухонной лежанки
пред смертью порывалась встать,
но все потуги были жалки,
и есть обрыдло ей, и спать.

и опустевшая аптечка,
и неподвижная мольба,
и не концлагерная печка,
но крематорская труба...

* * *

как плодоносит яблоня-дичок
в последний раз!
у старика любовь в провалы щёк
бежит из глаз.

а ведь просил её ещё вчера,
и всё никак.
он понимает, что пришла пора
и это знак.

отнять бы мог и веточку привить,
да смысла нет:
вдогонку не преминет отравить
дурак-сосед.

а что ему, его цветущий сад
давно отцвёл,
зато глаза сверкают и блестят,
и сам как вол.

проходит мимо — только вслед плюёт,
как идиот...
он поднимает почерневший плод
и в рот кладёт.

* * *

соль земли, которую вымывает
и уносит ветер её потом, —
мой народ безвременно вымирает,
вот и я щербатым стою столпом
и смотрюсь — кривой соляной огрызок —
в океан со всей его глубиной,
всею силой держа, кто безмерно близок,
по крупице теряя, что было мной.

* * *

шесть соток фамильного сада
луна освещает, но мне
немного, по совести, надо,
и этого хватит вполне.

сидеть на ступенях веранды,
смотреть, как стущаются: тьма,
и жизнь, и её варианты,
и прочие игры ума.

* * *

пока мой город изнывает от
политики, жары, литературы,
пока ещё не кончился завод
у сердца и другой аппаратуры,

пока мы говорим друг другу «ты»
и в транспорте отдавливает ноги,
пока у дня хватает долготы
и времени — у нас — на диалоги,

пока добры, безумны, влюблены
и быть свободным позволяет смета,
попробуем ещё и без войны —
а вдруг у нас получится и это.

* * *

а те, с кем ты чаёвничал над бездной,
допили чай.
ты самому себе твердил, что бездарь,
так получай.

пустынный стол, расколотые блюда,
бычки, зола...
ты жаждал стихотворного уютца?

твоя взяла.

Ф. Чечику

Толстой тачает сапоги
а Фет изнашивает падла
сегодня встал не с той ноги
но сочиняет складно правда

*а уж от неба до земли
качаясь движется завеса
и будто в золотой пыли
стоит за ней опушка леса*

заблещет солнце он опять
на полдороге до сарая
начнёт по кругу топотать
искать слова каблук стирая

потом приходит старый чёрт
каблук исчез подошва стёрта
но в рифму истину речёт
(ты тоже накропал до чёрта)

лишь смерть а не Шеншин лишит
стихов и прочих несуразиц
но и Толстой не лыком шит
уж он прочтёт ему рассказец

* * *

облако входит в облако,
облаком становясь.
что до стихов — два столбика,
чтобы наладить связь

с облаком, с небом, с космосом,
с теми, кто с нами врозь.
с тем, кто чудесным образом
всех нас прошёл насквозь.

* * *

в гробу, обёрнутом рогожей,
мы не сокровище везли
в день сумеречный, непогожий,
по мёрзлым пустошам земли.

шуршала весело солома,
но сердце с нею не в ладу,
и всё, от заступа до лома,
долбило лежбище во льду.

когда-то нежился в овечьем
пуху с красавицей женой,
а вот — когда укрыться нечем —
ты укрываешься землёй.

стенанием не осквернили,
молчанием не вознесли.
под толщей снега и земли
мы Пушкина похоронили.

* * *

а потом прилетает коршун
и выклёвывает глаза.
вот теперь ты заглянешь за.
рот чудовищно перекошен.

*коршун, коршун, не прилетай,
ничего уже не осталось,
что там билось, бежало, жалось –
стало пищей для ваших стай.*

запах коршунова крыла,
ад пронзаемой перепонки,
чтоб душа на краю воронки
о спасеньи себе врала.

*нет, не ужас, и нет, не страх,
это Бог выбирает сети,
я сегодня пребуду в свете,
но не в клювах и не в когтях.*

что там, солнце моё, блестит,
воздух скрежетом рассекая?
и за кем вырастает стая?
ты не видишь, но он летит.

ты не слышишь, но он летит.

* * *

прощай, патологоанатом,
похоже, больше никогда
тебе не шастать по палатам,
но не печалься, ерунда!

пила, щипцы-кусачки, скальпель,
крючок, брусок и молоток,
но их главное пара капель,
и что же? бел как потолок.

помянем не денатуратом
на подоконнике сухом.
ты не медбратом был, а братом
и в рифму говорил стихом.

твоя душа всегда пылала,
как медицинский чистый спирт.
о, не срывайте покрывала —
патологоанатом спит.

* * *

ни крепкий кофе растворимый
ни русский мат непредставимый
не пробудили ото сна
так и лежит неоспоримый
и голова не отросла

он был титан редедя идол
и что он ведал то не выдал
и поплатился головой
а нас оставил делать выбор
меж булавой и булавой

вставать из праха не годится
но завела своё зегзица
что мы живём не одна
я тоже силюсь пробудиться
но голова
но голова

В. Черешне

заболеваемость и смертность
не уменьшаются, увы,
и в Датском королевстве смерклось,
что не мешает, ваша светлость,
на саване нащупать швы.

перемещается лампада
повдоль, от головы до ног,
вот и ему пришла пощада,
и полуночная прохлада
нежна, и Гельсинор далёк.

измазан человеческим салом,
слуга во рту слюнявит нить
и ропщет, зашивая саван...
слуга забыл о самом-самом —
о том, что остаётся быть.

* * *

как буднично всё это происходит —
все эти люди, хлопоты, венки,
а ты не в чёрном и не по погоде,
да ты с ним бегал наперегонки!

а помнишь, в глубине чужого сада
играли в прятки, ели виноград...
теперь не плачь, по правилам не надо,
он спрятался, и ты не виноват.

* * *

как ярко вспыхивает спичка
перед кончиною своей,
всем истеричкам истеричка!
уймись, прикуривай скорей.

так пепел падает на брюки,
так дым летит под потолок.
так жадные до света руки
опустошили коробок.

* * *

у ваньки-встаньки не встаёт,
ну а чему вставать,
когда война своё суёт,
куда нельзя совать.

ей не хватает наших слёз
и не хватает глаз —
из наших душ её насос
высасывает нас.

не все останутся в живых,
но вместе мы сильнее —
за ваньку, саньку, всех своих
уж мы засунем ей.

* * *

как один из персонажей,
населяющих Москву,
телевизор мазать сажей
я, пожалуй, не рискну.

он уже измазан потом,
кровью, калом и слюной,
и почти не видно, кто там
о любви пи***т со мной.

многовато стало мата,
НАТО не перекричать.
о, балет! оставь, не надо
красоту переключать.

* * *

сигарета, упавшая в снег,
пролежала в снегу до весны,
и её подобрал человек
до того, как его унесли.

«не кури!» — закликает Минздрав,
«не дури», — обнимает Господь,
и один из них, может быть, прав,
а другой захотел подколоть.

кто-то знает, а я ни гу-гу.
поздорову скажи подобиру,
где твоя сигарета в снегу,
та, которую я подберу?

К. Ширшовой

мы вылеплены из снега —
снегурка и снеговик.
мы ждём середины века,
и в той середине — миг.

пускай этот миг недолог,
но в сердце его — жара.
стоим в окруженье ёлок,
«родная, жива?» — «жива».

обклёванный нос морковкой,
незрячие угли глаз.
не сманивай нас обновкой,
спаси и помилуй нас.

пусть тем, кто за нас в ответе,
воздастся по их трудам.
мороз, выбегают дети,
а я тебя не отдам.

* * *

собака писает на снег
а новый год как новый век
всё начинается сначала
уходит бездна из-под ног
душа оставлена в залог
и только музыка звучала

а за углом круги своя
а за столом твоя семья
хоть в тесноте да не в обиде
ты приведёшь сюда её
и все почувствуют: своё
и все уснут а вы не спите

там вы вдвоём потом втроём
живёте весело внаём
ну что ещё сказать о браке
заведены часы на шесть
не любит тёща любит тесть
а ты мечтаешь о собаке

* * *

мы поедem на электричке
не куда-нибудь на кулички,
а куда-нибудь навсегда,
где крапивы полно, клубнички
и колодезная вода.

на огромном велосипеде,
из волшебного сна соседи,
будут дети кататься там,
а под вечер склонять к беседе
станут Рильке и Мандельштам.

а назавтра мы встанем рано
не с продавленного дивана,
но с отринутого одра —
петь Муслима и Адриано,
пить бессмертие из ведра.

здесь подводит черту эпоха,
среди сныти, чертополоха,
прочей солнечной чепухи
продолжаются тут неплохо
пчёлы, мёд, человек, стихи.

Клементина Ширшова

Книга мёртвых
и шоколад

привыкаешь к бесам
и уже без особого интереса
наблюдаешь, как хозяйничают в квартире,
как за каждым углом создают бездонные дыры,
как вскрывают письма,
ломают мебель и прячут вещи,
а в конечном счёте делают ужас вещим:
болезнью на странной почве,
значит — без всякой почвы
отведут из под ног — землю, из неба — небо,
откроешь рот, оттуда бегут коровы.
закроешь рот, а там шелестят болиды.

и тогда бездонные дыры, тогда рискуешь,
из одной бесовщины переходя в другую
из другой попадая в третью
с тем же окрестным видом,
ты звонишь знакомым сказать,
что ты не приедешь

бес звонит знакомым сказать,
 что ты их не знаешь:
— позовите свету? какую ещё это,
ожидайте ответа, похоже, что нет света.
раньше надо было, — хихикнул, — язык вырван.
а теперь вы увидите то, с чего начиналось:
повсюду дыры.

Мы

1

ты хоронишь её.
я рядом стою, смотрю.
где бы только взять силы
вынести эту муку.
вспоминаешь, как жили,
как вел её к алтарю.
я сжимаю твою
холодную, злую руку.

как смириться?
бел от метели
открытый гроб,
но лежит, улыбается,
платье её — цветуще.
неподвижно смотрит,
вижу: тебя зовёт.
как румяны щёки её,
волосы распущены.

мы стоим у её могилы.
пусть лёд и снег
станут веной ручья,
прольются дождём на листья,
здесь имеется всё
и разве что жизни — нет.
мы готовы не быть и ждать,
но никак — проститься.

2

незримое присутствие во тьме
и более ничто не различимо.
ты спрашивал, зачем не сплю, не ем,
но не затем, чтоб выяснить причину.

в чём дело, ты прекрасно знал и сам.
всё рушится — прекрасно зная сами,
мы шли в кино, по барам, по гостям
и много разъезжали поездами.

незримое присутствие всегда
преследовало и сопровождало —
переходило с нами города,
заглядывало нам под одеяло.

и снова ночь, которой не уснуть.
я чувствую спиной, дугой аорты:
ножом сквозь масло, через темноту
она стоит в углу и молча смотрит.

3

когда вы будете вместе, настанет мир
на всей земле, навечно, в единый час
и радость, как божий свет, озарит эфир,
я буду смотреть на вас.

когда не захочешь пить из горла вино,
на белоснежную скатерть поставишь квас,
когда наконец сольётесь из двух в одно,
я буду смотреть на вас.

небо порвётся от счастья, зарядит дождь
смывая немощь, омоет и память нас.
когда она отлетит — когда ты умрёшь,
я буду смотреть на вас.

* * *

раньше цветы тянулись к моим ладоням,
теперь вянут, вжимаясь в землю с моим приходом.
смотрю на своё лицо, будто впервые вижу.
господи, ты не знаешь, как его презираю,
бледное, измождённое и кривое.
я тебе, господь, говорю такое:
ничего не бывает, поскольку всё умирает.
не сердись, пожалуйста, повремени с ответом.
полагаю, нам будет лучше молчать об этом.

Самая долгая ночь

А. Г.

ни помянуть, ни вспомнить о годовщине
смерти отца, хотя никакой причины
не существует, чтобы забыть это.
как же мне стыдно
если бы ты знал
или можно было узнать
где ты.

возвратиться назад —
честный ад, который в нашем последнем доме
это сон и я быстро всё обыскала, кроме
дальней комнаты, где сидела наша семья
только, если взглядеться, вроде и не моя
это кто-то другой.

не теряюсь, тут же спрашиваю, где папа
а оно отвечает — там, наверху, за шкафом
под столом болтает ногой
ковыряет вилкой салат
притворяется, будто покойный брат
но — никто иной.

«и чего, сама иди туда, посмотри»
на самом чердаке дверь захлопнулась изнутри
я одна и чем громче растут голоса — умри,
не хочу, но быстрее иду.
досмертельная адская дрожь.
наконец подхожу, нахожу
белый шум.

только не прекращается сон.

душный запах тлена весом
превращается в тело, оно
начинает плясать и стонать
и становится стариком
заставляя столбом стоять
надувается серый плащ
развиваясь, хрустит, как хрящ
кто ты есть, не могу сказать
я боюсь

возле старческих ног по маленькому барашку
они прыгают и кусают его за ляжки
попадают в лужи копытцами, брызги-визги,
начинает накрапывать белый шум
не кончается сон.

так старик обернулся девушкой
на меня похожа, и всё же
не я немножко.
и бежит по лужам, кричит
отведу к твоему отцу-Эвридике
давай догоняй
мы сближаемся, остаёмся равновелики

зажимаю её в углу
за горло беру
глаза водяные щурятся
верни моего отца
обещать ничего не могу
ты сама всегда не у дел
всё привыкла валить на отца
но его больше нет
лучше пусть он у нас останется.
белый шум одолел.
задыхаюсь.

и опять не кончается сон.

или кончился?
одеяло, взвесь тумана за пустырём
надо выпить воды и это переживём
только, если вдуматься, много ли дел осталось?
это сон дурной, я здесь уже ни при чём.
ведь мой папа жив и здоров.
где я? дальняя комната смерти, боюсь её.
но люблю огонь
и всю жизнь любила играть с огнём
из-под полога белая взвесь,
нарастает шум голосов.

когда кончится этот сон.

получается, пью огонь
и глотки мои глубоки.
я бы рада кому помочь,
но долги отдаются долго, на то они и долги.
или самая долгая ночь.

* * *

сквозь чернозёма влажные узелки,
завязь ветвей,
косточки птиц, мышей, раздвигая мхи,
только быстрее.
это лежащее на глубине глубин
кто-то украл.
сквозь нутряные всполохи, сквозь лучи
свежий оскал.
то ли над головой, пробиваясь вверх,
движется смех.
перегони же, пока я тебя узрел,
мой человек,
видящий на затылке временном пути
агни огней.
сжатые очень крепко судьбой в горсти,
преодолей

* * *

в младенчестве не кричала
как знала, потом накричусь
прощально в гудок вокзала
в поток ледяного крана
в зелёное покрывало
в ночную глухую грусть

ни стоны не было можно
на то, что предрешено
ребёнку ответить сложно
как это всегда и должно
тому, что пропасть должно

он — выпущенная книга
и будет лежмя лежать
покроется слоем пыли
завалится за кровать
но кто-то найдёт однажды
притянется как магнит
сожмёт корешок бумажный
и внутренне закричит.

птица, которая вылетела из птицы
песня, ты ли выброшенная ветром
но уже отражённый свет отражает линза
и вопросы переживаются вне ответов
разветвляются размытые очертания
это деревья, и птицы, и высший разум
по главному дну раскатанное сознание
и суда отсекают рёвом поверхность глаза
напряжение распадается на верёвки
заплетается сетка ходов потаённым лазом
внове встреченный — потупившаяся иголка
и находишь её, но всегда никакой связи
убывают года, природу переменяя
потихоньку сошьются новые половинки
всё-таки расплетаясь перед глазами
всё-таки как же сложно создать картинку
отче, оно живое и без предела
с каждым выдохом становится невесомей
и конечно, ему нет и не будет дела
до того, кто мы
если бы можно было спросить у птицы
ты ли раздула ветер семью крылами
невыразимо хочешь переродиться
чтобы я обрела покой в череде прощаний
но не ты ли уходишь ветром, поёшь песню
и не я ли затем зову и во всё вступаю
крылья одно другому — давай вместе
ангел один другому — давай с нами

Жрец

1

умертвят за то, что сорвал обряд
и не тронул агнца, сбегав из храма,
небесовый множественный снаряд
переплавит в магму мычанье стада,
но чужая вера — он это знал —
уже толщей серы, несвежей раной
проступает в стрекоте над барханом,
а уста отверзлись, рекут и мстят.

и слова оттуда идут, одни
смоляные, тёмные, а другие
светляков рассеянные огни
претворят собою миры иные,
отмечая горем гробницы вход,
именную летопись фараона,
направляя токи подземных вод,
уводящих строго во время оно.

жрец смотрел наверх и не мог понять:
колесница Бога, крылами рея
пронеслась тогда, разгоня рать,
как решиться ныне в неё поверить.
он увидел язвы на теле дней
и когда взмолились на самом деле,
отказался жертвовать: «будь сильнее,
мы добились чего хотели».

2

славься, Анубис, тело твоё в песках,
лико собачье, думы нечеловечьи
топишь очами, тянешь мои глаза,
но подпускаешь ближе, берёшь за плечи

зря научали, что беспримерно строг,
в зале пустом сидит неподкупный стражник
ты не таков, а чтобы сказать каков,
вижу, что слов моих не хватает даже
сколько ни длишься, столько миров с тобой,
чем ни спасаешь душу, того не знаем
вместе идём одни на последний бой
и под мечом карающим погибаем
смотрим на мор скотины, а по хлебам,
взращенным кровью, мухи ползут и жабы
в этой безродной тьме забываешь храм,
ближние лица только увидеть нам ли
видим поблёкший поочерёдный сон —
лепим чело из глины, кулак из стали
сколько веков и дней мы боролись, но
всяк под конец отчаялись и устали
я вопию к тебе через смертный грех,
выданный с корнем в ноги упавший коготь
хочешь, возьми на ниточку для потех,
хочешь как единицу меня запомни

3

кто молчаливой верой укажет: верь
станет понятно более, чем теперь
если взглядеться в бурое чрево тучи
где-то другое дышит чужое я
тёплый папирус, лотос, его вода
солнечный диск небесного бога Ра

как человеку верить в себя, когда
столько всего бывает гораздо лучше

раз автобус уже не ходит
и в подземку билета нет,
получается нужно, вроде,
перед жизнью держать ответ.

а ответ не объявлен вовсе,
объявились иные тут,
будто что-то сейчас попросят
острый ножичек достают.

но вокруг первозданно тихо,
отмела, улеглась метель.
снег — оставшееся от лиха
в сотворения первый день.

за спиною рюкзак помятый
обеспечит учебный март.
в нем египта большая карта,
книга мёртвых и шоколад.

растворились в ночи видения,
дальше ищешь иной ответ:
почему нам дано спасение,
кто поставил его на свет?

а потом, засыпая дома,
с благодарностью: сохранил,
вспоминаешь, как над тобою
зажигаются фонари.

будешь ждать — попадёшь,
откуда неважно: есть.
всё возникнет, появится,
сразу не окликай.
подожди, пока Богородица
скажет: «здесь»
а потом по ручью,
околицей выйдет в рай.
ты решишься на скорый шаг
и пойдёшь за ней,
чтоб разведать дорогу
следом, наверняка.
раздирая зелёный мрак,
соберёшь репей
и поранишь руку
в зарослях ивняка.
а когда вы придёте,
будет уже светло
вам навстречу раскроются
огненные цветы.
скажешь ей: Богородица,
вижу, что всё — одно
и тогда разрастётся свет,
и войдут они.
на челе их выются венки
виноградных лоз,
столько в них алых ягод,
сколько умерших лет.
будут щёки молочный цвет,
но потоки слёз.
и молчание будет вопрос
тишина — ответ.

о, прекратись
увлекая в беспамятный бор
ускользающим днём
настоящее имя своё
различая лицо столько раз
в отраженьях озёр
всё равно не признавший себя

превратись
изначальная тень
или трутень, ползущий назло,
что отброшен туда,
где зачаток движения
о, если ты — человек
то я — дерево, полное слов
и янтарных часов

назовись
мы с тобою отныне и впредь
сопредельны душой
рождены вне себя
и грибом, и росой — стань собой
безразличной пчелой
васильком, опыляемым ей
хищным оком дождя
пожелавшим ходить по воде

прекратись
этот паводок медленно
вылей в потоп
а потом поднимись
лёгким телом, пречистой грядой
и стремительно вниз
ускользая в беспамятный бор
различая лицо
позабывшее имя своё
о, зеро

* * *

мама, я не хочу умирать
пел молодой Фредди Меркьюри
играющий на рояле
первый куплет допет
и зал пожирает мрак
Фредди ещё не знал
не мог знать, как оно бывает

когда слово звучащее определяет тебя
а остальную жизнь загоняет в рамки
сказанного
зловещий его там-там
за собой позовёт
и

В ожидании трамвая

может быть что угодно
а что будет — кто знает?
яростный зной
непонятное, тягостное стремление
вглядываться в ожидании трамвая
единодушно порядком осоловелых
для того ли перебрались от большой дороги
подальше
для того ли стремились избавиться от страданий
каждого дня повторяющейся жизни
появляется, нарастает — залезть заставит
ждём, ожидаем
что-то должно случиться
пока утро пробивается за витрину
девочка ест мороженое
пьяница матерится
под руку бабуку ведёт её внук детина
все ждут трамвая
сядут в него, поедут
и никто, конечно, не замечает
рядом с ними с ума верно сходит некто
начинает раскачиваться, как маятник
про себя повторяя — «ладно, вот-вот доеду
приму душ, поем, потом скачаю шедевр
антониони, на жёсткий диск, посмотрю его,
сразу въеду, приму ванну с пеной, поплю,
поем и опять поеду»
и опять поеду — что же это такое
что-то должно случиться по закону драматургии
мы не в театре, ружьё на стене прогнило
почему тогда все ждут, будто выстрел грянет
..из-за угла вылетающая машина
сталкивается с другой грузовой машиной
все замирают
с некоторой задержкой услышат вскрик
звук столкновения, покорёженного металла

блик по стеклу — или то испуг?
метра три протащило
прежде, чем затихла она,
все ждали
а когда остановилась, как много дыма
через стёкла и двери из неё повалило
и оттуда никто не вышел
все стояли, не замечая
долгожданного приближавшегося трамвая
общее выражение:
«вот оно!» — написано на их лицах
утро ярится
пьяница матерится
и мороженое растекается по тротуару

Реанимация

— и совсем не вспомнишь, что случилось с тобой?
уточняет врач, дежуривший в день, когда

и забрезжило то, что было всегда со мной
не про маску и трубку
светильника вогнутые глаза
но похоже именно про то,
что вообще вспоминать нельзя

— значит не в курсе, что приключилось с тобой?
продолжал себе врач спокойно и простодушно
значит не надо, значит и хорошо.
и пошёл завершать дежурство.

* * *

теремок-коробок
ни окошек в нём, ни дверей
расскажи, человек
как стоит он такой ничей
не впускает семей
почему из его минут
не поёт соловей
и трава не растёт вокруг

коробок-человек
застывает на много лет
и сочится елей
из его деревянных век
на отростки корней
червоточины ног и нор
он закрылся прочней
и срастается до сих пор.

ТЧК

.
пожалуйста, только не это
что? не знаю
точка разрастается до предела
хочешь позвать кого-то
но откуда?
адрес, куда можно прислать машину
(обязательно прислали бы машину)
но адреса не предусмотрено
только точка
что за глупости
попроси ещё телефон

где телефон
это идея
дайте мне телефон
и вот перед внутренним взором
возникают фигуры
что такое телефон?
что ты просишь?
и вот уже не понимаешь
телефон
что это

тогда разрешите туда
это куда?
за иллюминатор, туда
удивляются несуществующие существа
и что там?
цветущий сад
очень оригинально

кто ты
что себе воображаешь
какими видениями тешишь
зачем

ты до сих пор находишься в точке

точка разрастается

хлоп! нет никакой точки
что за точка вообще?
почему так плохо?
сколько я была без сознания?

скоро пойду поговорю с кем-то
с настоящими?
куплю себе новые вещи
вещи?
прочитаю хорошую книжку
книжку?
разве что в книжку верю
в ней есть настоящие точки
почему я не могу забыть о точке

точка разрастается
нет, стёрлась
затянулась до маленькой
маленькое внутреннее пятнышко
тчк

* * *

лебедь белый лебедь чёрный
сколько вас в одном пруду
не даются, поимённо
исчезают на лету
вслед им смотришь отрешённо
но опять чего-то ждёшь
будто солнцем поражённый
в рябь и дрожь
и по краешку, по кромке
полумёртв-полуживой

а на том конце, в сторонке
виден лебедь золотой

* * *

сегодня под вечер салюты одни
порталы, открытые в ряд
и ты надеваешь другие духи
иной примеряешь наряд
готовясь оставить планету, но сын
протянет смешную ладонь
вот это и это, давай, измени
а это — оставь и не тронь

и что-то останется
там, в духоте
отпущена тяжесть займы
всё длится и длится салютный смех
когда разорвутся они

* * *

ещё пять лет назад человек пёк тебе куличи,
а теперь его самого сжигают в печи
вместе с нежно-оливковым платьем.
называют это — утрата.

его тело стало трухой и золой,
его мысли, наверное, стали тобой.
голова их в себя не вмещает,
и они превращаются в память.

натянулась тугая пружина внутри.
и останется там же, гори не гори
с человеком вдвоём под распятьем.
это горе раскрыло объятия.

Встреча

*не думала, что встречу её так рано
но, надо признаться, сразу же и узнала
протянула ко мне бледные-бледные руки
набросила на голову покрывало*

оказаться в бледном городе очень просто,
там бледные башни как смотровые будки.
на площади сидят евреи в чёрных костюмах,
они обсуждают погоду круглые сутки.

хорошо гулять в любимой кофте и джинсах,
пришло в голову назначить кому-то встречу.
кому-то, кого вряд ли ещё увижу
и мы встретились, долго не могли наговориться,

не думая, что вот-вот очнусь под простынёю
бледной,
а из шеи смешно разноцветный торчит проводок.
скоро мир номер два и важно успеть наверно
попросить у сестры карандаш, но он выпал из рук.

если это приходит к тебе,
целый день не уходит.
начинается с неприятного чувства
чужеродности тела.
будто ты вселилась в себя,
изнутри проверяя
на ощупь
руки-рукава,
ноги-штанины,
воротник шеи.

сегодня придётся
расчесать не свои волосы,
припудрить не свою кожу.
выбрать, во что одеть
тусклое мясо и кости.
ты не узнаёшь в отражении
то, что видишь
и уверена,
оно стало выглядеть хуже
после того, что случилось.

может быть, перемены в тебе
видят и другие,
стараясь не замечать,
отгоняя мысли про то,
как бы они ни пытались
казаться вечными,
когда-нибудь им доведётся
иметь дело с тем же,
чего однажды
необратимо
коснулась ты.

этот день пройдёт,
пока ты проживаешь события,
которых могло не быть.
думая о том,
что могло бы быть.
наверное, это и есть
территория небытия
и ступив на неё однажды
одной ногой,
ты оставила на ней след,

а она оставила собственный след в тебе
навсегда.

Смех мёртвых людей

я лонг-листер премий, которых вы не помните,
которые давно уже позакрывались, правда,
кое-кто из толпы вполне себе может
приподнять бровь,

если упомянуть одну из них в разговоре.
подразумевая — о, её ещё кто-то знает,
и сразу переведёт беседу
на что-нибудь актуальное.

когда-то мои произведения обсуждали люди,
которые теперь умерли,
но тогда они считались маститыми авторами,
которые вершат судьбы в литературе.
на литературных семинарах и форумах
говорилось множество ядовитых слов.
и сейчас они звучат в моей голове,
вроде смеха людей в комедиях,
записанного на плёнку сто лет назад.
смеха мёртвых людей.

я ничего не добился в жизни,
поскольку очень боялся
растратить себя, не дожать,
не выжать из себя весь сок.
мёртвые люди твердили,
что я должен выжать из себя сок,
весь, до капли, чтобы отдать его литературе,
а потом следили за мной и поэтому
я из страха отдал свою жизнь литературе.
не из любви.

раньше мне снилось, что я сделал всё как нужно,
построил дом, вырастил большой дуб
в семейном саду, под которым теперь
гуляют мои дочери, сыновья и внуки,

унаследовавшие общее дело,
которое прокормит семь будущих поколений.
но просыпался всегда один,
в неотапливаемой квартире,
вспоминая о том, как всю жизнь пытался
доказать мёртвым людям,
что я выдающийся автор
вместо того, чтобы просто жить свою жизнь.

я существовал

по каким-то малопонятным правилам, которые установило то, что не имеет названия, которое взяло меня в оборот и скручивало до тех пор, пока я полностью не закончился. не превратился сам в того, кто смеётся над тем, кто только пришёл и растерян и не готов выжать себя до конца.

так всё и получилось.
я и мёртвые люди сидим и смеёмся,
а что нам остаётся делать
в ожидании тех, кто ещё послушает нас,
отбросит соблазны мира,
откажется от себя
и составит компанию
нашей одинокой участи
на изнанке вселенной
в долине теней.

зов странствий, как его преодолеть
мутировав лекарственно на треть
зажатой между страстью и харибдой
и перепев таинственный мотив
сосуды до сияния отмыв
становишься многоголовой гидрой

и вот уже тебя хотят убить
и ты летишь во всю стальную прыть
и отбиваешь точные удары
подумаешь — как получилось так
а новая башка летит в овраг
под чьи-то грандиозные литавры

и убедить — не монстр, ты — герой
здесь некому, покуда на покой
отправились защитники порога
предупреждая, будет век жесток
и сглатывая кровавой поток
претерпевая смутную тревогу

перепоешь себе до тошноты
однажды станет всё, как хочешь ты
назавтра будет всё, как хочешь ты
я придумаю десять заклинаний
у нас есть я, да будет красота
и брезжит ледяная острота
и море безответных расстояний.

* * *

есть и другие миры.
в них только я и ты,
вымытое окно,
холодно и светло.

в этих мирах-краях
боль побеждает страх.
жаль, что одни миры
тонут в других мирах.

не обессудь, прими
странные их дары:

в них только ты и ты,
явь обративший вспять,
чтобы не потерять
кипенной чистоты.

Бескрайний Север

ты узнаешь, что напрасно
называют север крайним,
ты увидишь — он бескрайний
я тебе его дарю

Из песни

и чудится, будто бы сходятся льды —
где я и где ты,
но ветер набросится из темноты —
расходятся льды.

и видится, будто сейчас зарастёт,
почти заросло.
вот-вот образуется корочкой лёд,
но рушит весло.

ломается, колется, щиплет глаза,
как будто слеза.
но вот замерзает, застыла она
прозрачной стекла.

и хочется вдаль посмотреть сквозь неё
туда, где тепло.
но прошлое с будущим в лёд проросло,
как сердце моё.

Израильские хроники

I

и будто не было тут Христа
не было никогда
на пляже девочки трут бока
пусть как молоко вода

и не песок, но алмазный прах
твоя вострепнёт нога
не пыль, а золото на домах
из золота берега

в богатстве странном чьего ларька
как облако нам вода
но если не было тут Христа
то где же он был тогда

II

и будто бы можно ходить по воде
но вряд ли смогу по жаре
покуда лежишь в безвоздушной среде
нельзя просто встать и пройти по воде
как будто бы ты нигде

медузы ужасные в море плывут
они хозяева вод
они одни рождены как лёд
ведь сами вода без пяти минут
и выбросятся вот-вот

и будут лежать в золотом песке
а щупальца в табаке
как дань тому, что дрожит во сне
на ветхой собственной глубине
твоей и моей тоске

III

на каждой крыше сад семирамиды
по стенкам жмутся тощие коты
мечтающие влезть, увидеть виды
отведать запрещённые плоды

но планам не дано осуществиться
их головы по форме что айва
от голода одно спасает свинство
«чего глядишь счастливый жрать давай»

им столько лиц упрашивать придётся
за этот день, за это лето, брысь
они умеют убегать от солнца
а ты держись

IV

на завтрак, на обед и ужин хумус
всё, чтобы ты нам улыбнулась

на сутки мы исчезнем за спасибо
экскурсией до Иерусалима

по возвращению в гостеприимном доме
ни чашки не уроним

возьмёмся, перемоем в блеск посуду
и счистим отовсюду

негласное определение это
жена поэта

V

найти пещеру монаха
зайти под своды её
дальше ступать не сметь

долго ходить по храму
не замечая туристов
ни одного человека

via Dolorosa
раскрытый клюв пеликана
тянуться до самого сердца

VI

шаббат! теперь не рвись работать, равви
предайся созерцанию сложной ряби
на глади псевдогородской реки
и смело только истину реки

шаббат! родной простор смени на узость
диван пустой оттягивая грузом
наполненного тела своего
и большего не требуй, а не то

всё будет, да не то — но вот за этим
ты выбраться и не пытайся, брат
и рынки замерли, и лавочки закрыты
шаббат!

шаббат грядёт, так точно нам сказали
когда солдат, застрявший на вокзале,
отдал аккорд, касаясь тёплых клавиш
шаббат! молчи, о чём не знаешь

VII

пока небезопасной силе
мы служим, головы склонили
под жёлтым тентом раздвижным
подумать только, вот же пекло
могли бы спрятаться в застенке
творить земное до поры

теней, крылом летучей мыши
укроемся, листвой подышим
но знаем, ночь приносит весть
одни в аллее красно-синей
и вспыхнет куст неопалимый
здесь кто-то есть

Волга

поезд прибывает и прибывает
до тех пор, пока его не становится слишком много
забивает уши железным грохотом
а рот привкусом креозота
становится трудно дышать
от переполняющего поезда
переворачивающего всё внутри
на полном ходу, заполненного людьми
его трясёт и шатает
как и тебя, как и тебя
дребезжащая ложка в стакане
чай, заливающий всё кругом
поля, слева и справа
город с красивым названием Златоуст
рязанскую гостиницу «Центральная»
полянну возле музея Корнея Чуковского
ландшафт постоянно меняется
вокруг вода бесконечная
вот-вот затечёт в вагон
и затопит его
а помнишь
ничего ты не помнишь
жизнь это перемены
смерть статична, будто бы камень
Осипа Эмильевича
мы не остановимся
не беспокойся
здесь у нас пространство и время
голос до боли знакомый
спрашивающий «где радио»
переполняет
«да вон там, подвешено»
повторяю
как в петле, как в петле
говорил Цветаевой Пастернак
а ты не мешай мне смотреть на Волгу
дурак

* * *

изо всех наушников, которые я потеряла,
свила гнездо огромная птица сирий
слушать мелодии дальних стран,
тех, где она ещё не бывала.
в то же время ночь прорывает саван,
и птенцы засыпают.
ах, как много и мало надо
нам, окаянным.

* * *

от облаков закладывает уши
поднакопившись ватой в голове
до горла доберутся и задушат
оставят тёплым семечком в траве

зато проклюнусь, прорасту до неба
блаженно воссоединяясь с ним
былинкой, превращающейся в небыль
путём любви и больше никаким

Содержание

Путём любви. Предисловие В. Гандельсмана 5

Елена Севрюгина. Человек внутри

I

«варила щи компот варенье...»	19
Сага о поэте	20
«помнишь...»	21
Осень Блока	22
Люди-рыбы	23
Чукотское	24
Энтропия	25
«быт переходит в инобытие...»	26
«ну вот и всё (а говорят — не лечит)...»	27
«запишу себе имя...»	28

II

«нас извлекут из пустоты...»	33
«засыпают низы а потом забывают верхи...»	34
имярек	35
«это то чем была я...»	36
Песня	38
Людимы	39
«а по ночам приходит стиховолк...»	40
«на втором этаже...»	41
«в первый раз родилась и в последний умру...»	42
«чёрные реки тоскуют по греку...»	43

III

«готовимся к весне...»	47
«на морозе гулкое „прости“ ...»	48
«закрыть глаза и не открыть потом...»	49
«прошлого седые жернова...»	50
«человек у меня внутри...»	51
«а если я умру а если завтра...»	53
«жмут сильнее памятные кольца...»	54
«и всё как прежде всё как встарь...»	55
«всё это выше поверх головы...»	56
«город в своей глубине утонул...»	57

Андрей Фамицкий. У тебя из глаз

- «коридор кончается бесконечностью...» 61
«отец-то был большой бунтарь...» 62
«батя вернулся с войны...» 63
«воспитатель Марина считала, что я гомосек...» 64
«как будто можно отоспаться впрок...» 65
школа 66
«звонил отец, и я баззал с отцом...» 67
«за гаражами, где бомжи пьют водку...» 68
«мёртвая Беларусь...» 69
«моя прабабушка-еврейка...» 70
«как плодоносит яблоня-дичок...» 71
«соль земли, которую вымывает...» 72
«шесть соток фамильного сада...» 73
«пока мой город изнывает от...» 74
«а те, с кем ты чаёвничал над бездной...» 75
«Толстой тачает сапоги...» 76
«облако входит в облако...» 77
«в гробу, обёрнутом рогожей...» 78
«а потом прилетает коршун...» 79
«прощай, патологоанатом...» 80
«ни крепкий кофе растворимый...» 81
«заболеваемость и смертность...» 82
«как буднично всё это происходит...» 83
«как ярко вспыхивает спичка...» 84
«у ваньки-встаньки не встаёт...» 85
«как один из персонажей...» 86
«сигарета, упавшая в снег...» 87
«мы вылеплены из снега...» 88
«собака писает на снег...» 89
«мы поедem на электричке...» 90

Клементина Ширшова. Книга мёртвых и шоколад

«привыкаешь к бесам...»	93
Мы	94
«раньше цветы тянулись к моим ладоням...»	96
Самая долгая ночь	97
«сквозь чернозёма влажные узелки...»	100
«в младенчестве не кричала...»	101
«птица, которая вылетела из птицы...»	102
Жрец	103
«будешь ждать — попадёшь...»	106
«о, прекратись...»	107
«мама, я не хочу умирать...»	108
В ожидании трамвая	109
Реанимация	111
«теремок-коробок...»	112
ТЧК	113
«лебедь белый лебедь черный...»	115
«сегодня под вечер салюты одни...»	116
«ещё пять лет назад человек пек тебе куличи...»	117
Встреча	118
«если это приходит к тебе...»	119
Смех мёртвых людей	121
«зов странствий, как его преодолеть...»	123
«есть и другие миры...»	124
Бескрайний Север	125
Израильские хроники	126
Волга	130
«изо всех наушников, которые я потеряла...»	131
«от облаков закладывает уши...»	132

Севрюгина Елена Вячеславовна,
Фамицкий Андрей Олегович,
Ширшова Клементина Александровна

ТРИПТИХ

Издатели: Андрей Фамицкий,
Клементина Ширшова
Корректор: Егор Жерябкин
Дизайнер: Екатерина Мурашова

Подписано в печать 12.02.2025.
Формат 130 x 210 мм.
Гарнитура ITC New Baskerville.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
136 с. Тираж 200 экз.

Издательство «Синяя гора»
Тел.: +7 (915) 184-44-28
+7 (919) 997-07-22
www.goraizdat.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Буки-Веди»
115093, г. Москва, Партийный
переулок, д. 1, корп. 58
www.bukivedi.com

«В случае Е. С. перед нами – запечатлённое рождение голоса, возвращающего из глубины и тишины (из «подлёдного лова») те стихии, которые беспорядочно обрушивались на поэта...»

«Удивляет количество строк [А. Ф.], которые мне хотелось бы процитировать...»

«Стихи — интенсивное пребывание на границе жизни и смерти в облике слова. Это очевидно. Но мало у кого оно, пребывание, столь же очевидно, как у поэта К. Ш.»

*Из предисловия
Владимира Гандельсмана*